

В. А. Салимовский, В. В. Бегун
Пермский университет

Членимость высказывания в диалоге¹

В соответствии с концепцией М.М. Бахтина под высказыванием мы будем понимать единицу коммуникации, реализующую замысел говорящего и отграниченную от других коммуникативных единиц сменой субъектов речи. Диалог – это процесс речевого общения.

Как отмечал ученый, предвзято развитие современной теории интертекстуальности [5], во всяком высказывании обнаруживается “целый ряд полускрытых и скрытых чужих слов разной степени чуждости”; высказывание “изборождено как бы далекими и еле слышными отзвуками смен речевых субъектов...” [1, с. 273]. Отсюда ясно, что высказывание членимо на коммуникативной основе: оно включает фрагменты, отграниченные с обеих сторон некоторыми сигналами о смене речевых субъектов.

Вполне очевидно, что если автор высказывания в процессе продуцирования последнего многократно отвечает на чужие высказывания – опровергает их, подтверждает, дополняет и пр. – то и его собственная речь распадается на ряд частных высказываний. Эту особенность единицы общения подчеркивал другой классик отечественного речеведения Л.П. Якубинский, приводя наблюдения за речевым поведением “нескольких знакомых... собиравшихся иногда для беседы на научные темы, для заслушивания небольших докладов”. “Это заслушивание, особенно когда оно действительно бывало внимательно, постоянно превращалось в сплошное прерывание докладчика; его монолог постоянно прерывался репликами... Даже если кто молчал, то по лицу бывало видно, как хочет говорить...” [10, с. 32-33]. Этот пример показывает, что “рубцы межей” в высказывании как сигналы смены речевых субъектов определяются не только авторским взаимодействием с чужим словом, но и реакцией адресата на авторскую речь, а именно на отраженные в ней мнения и позиции автора, на сообщенную им информацию, иными словами – на авторскую речь, включенную в социокультурный диалог.

В настоящем докладе ставится проблема дискурсных закономерностей членимости высказывания. Согласно нашей гипотезе, выделимость в целом высказывании частных коммуникативных единиц детерминирована объективным по отношению к каждому говорящему “дискурсным полем” соответствующей культурной сферы, представляющим собой систему социально значимых тем, или вопросов (тема и есть утвердительная составляющая вопроса).

Как известно, в конце 1920-х гг. М.М. Бахтин (В.Н. Волошинов) ввел в философию языка представление о *социальном кругозоре* эпохи, т.е. о действительности, которая доступна общественному вниманию, ценностно

акцентируется им и поэтому может стать *темой* словесного выступления [2, с. 26-28]. Развиваемое нами понятие “дискурсного поля” призвано выразить мысль о коммуникативной структурированности участков этой действительности и о возможности их описания в виде системы социально значимых вопросов, на которые членами общества даются различные ответы, фиксирующие “скрещение разнонаправленных позиций” [2, с. 28]. Вопросы эти разнородны: они могут быть общими и частными, могут характеризоваться разной степенью проблемности, социальной значимости.

Понятие “дискурсного поля” – одно из возможных осмыслений представления М.Фуко о формации как распределении лакун, пустот, пределов и разрывов [9]. (Отметим, что мы не стремимся сохранить методологический подход Фуко к “онтологии дискурса”. Интерпретация затрагиваемой проблематики в русле “социологического метода” раннего Бахтина, думается, вполне оправдана: как известно, она получила широкое распространение во французской школе анализа дискурса в конце 1970-х гг.). С этих позиций пределы говоримого и “пустоты” объясняются степенью доступности действительности общественному вниманию в определенную эпоху; “рассеивания”, “разрывы” связаны со “скрещением интересов” и последующим развитием конфликтующих позиций.

Основываясь на гипотезе о “дискурсном поле” как сети социально значимых вопросов, мы можем выяснить, “почему такие высказывания возникают именно здесь, а не где-либо еще”, “почему появляются именно эти высказывания, а не какие-либо другие” [9, с. 29, 51].

В самом деле, в научной, например, сфере общения речевое произведение мотивировано не только “внешними” побуждениями исследователя (любовью к истине, стремлением утвердить свой приоритет в открытии и др.), но, как считает М.Г. Ярошевский, прежде всего запросами развития науки, проблематикой, сложившейся в ней к определенному времени. Более того, “внешний” мотив проявляет себя лишь тогда, когда он организуется “соответственно тому, чего требует в данный момент научно-идейная ситуация” [7, с. 216]. Следовательно, в указанной области общения продуцируются именно такие высказывания (речевые произведения), которые “внутренне” мотивированы сетью вопросов специальной научной картины мира или научной парадигмы.

Свой круг актуальных тем (вопросов) есть и во всех иных коммуникативных сферах. В каждой из них освещение той или иной темы обнаруживает многообразие различных оценок, позиций, взглядов, убеждений, ценностей.

Итак, мы исходим из того, что каждое развернутое высказывание соотносено с целым рядом вопросов некоторого участка “дискурсного поля”. В преобразованном виде этот участок объективируется в тематической организации речевого произведения. Интерпретация высказывания тоже ориентирована на “дискурсное поле”. При этом в одних случаях адресат воспринимает тематическую структуру высказывания и коммуникативную значимость отдельных ее элементов в соответствии с замыслом автора, в

других – концентрирует внимание на отдельных, нередко частных, вопросах отраженной в высказывании “дискурсной сети” как особенно значимых для него. В своей предельной форме личностная избирательность элементов, участков “дискурсного поля” находит отражение в сфере искусства, где “одно и то же художественное произведение может служить отправной точкой для развертывания диаметрально противоположных концепций” [4, с.210].

Перейдем к демонстрационному анализу коммуникативной членимости высказывания в аспекте продуцирования и восприятия последнего. Отношение *автора* к чужим смысловым позициям, его переход от одной позиции к другой запечатлены в самом высказывании как “отзвуки смен речевых субъектов”. Что же касается выделения *адресатом* чужих смысловых позиций в воспринимаемом им высказывании, то для изучения этого процесса нужно обратиться к ответам на высказывание в целом или на отдельные его позиции. Понятно, что ответ на любую из этих смысловых позиций придает ей статус коммуникативной единицы (субвысказывания), а общая картина речевых реакций на высказывание характеризует его коммуникативную членимость с позиций адресата.

В теоретическом плане предлагаемый подход к изучению диалогичности значим тем, что в ее анализ помимо отношения “Автор – Другой (другие смысловые позиции)” вводится отношение “Адресат – Автор как Другой и его смысловые позиции”, причем – что важно – оба эти измерения рассматриваются в их проекции на некоторый участок “дискурсного поля”. Этим создается основа для совершенствования методик интерпретации речевого взаимодействия. В случае конфликтного взаимодействия такие методики могут быть использованы в судебной лингвистике [5].

Материалом для анализа послужила статья А. Подрабиника “Как антисоветчик антисоветчикам...”, вызвавшая бурную дискуссию – высказывания политиков, журналистов, представителей общественных организаций, пользователей Интернета – и ставшую предметом нескольких судебных исков.

Статья мотивирована участком политико-идеологического “дискурсного поля”, основными темами которого являются, в частности: “современная Россия и наследие советской эпохи”, “отношение к ветеранам войны и труда”. Детализация этих тем варьирует в дискурсе разных политических акторов (партий, движений, организаций) и включает элементы их политических доктрин. Так, “дискурсное поле” правящей партии “Единая Россия”, а также левых и патриотических организаций, в том числе ветеранских, образуют микротемы: “долг перед Родиной”, “интересы государства”, “преемственность поколений”, “победители в Великой Отечественной войне”, “ратный и трудовой подвиг ветеранов” и др. С советского времени они прочно утвердились в общественном сознании.

Между тем дискурс советских диссидентов, к числу которых с 1970-х гг. принадлежал А. Подрабинец, ряда либеральных оппозиционных организаций реализует микротемы: “свободная демократическая Родина”, “преступления советской власти и коммунистической партии”, “личная ответственность за

создание тоталитарного режима и политические репрессии”, “дань памяти жертвам тоталитаризма и антикоммунистического сопротивления” и др.

Анализ статьи А. Подрабиника показывает, что в ней “отзвуки смен речевых субъектов” определяются установкой автора на опровержение мировоззренческой концепции, закрепленной в идеологемах традиционных, принятых обществом микротем, и утверждение точки зрения, закрепившейся в идеологемах микротем оппозиции. Покажем это на примере наиболее конфликтного противопоставления микротеме “ратный и трудовой подвиг ветеранов” микротемы “личная ответственность за создание тоталитарного режима и политические репрессии”:

А вот к ветеранам, написавшим жалобу, хотелось бы обратиться.

...Это вам только кажется, что отдых ваш заслуженный и почетный. Это вам только кажется, что вы пользуетесь всеобщим уважением...

Вы так возмущались “антисоветским” названием, потому что, верно, вы и были вертухаями в тех лагерях и тюрьмах, комиссарами в загранотрядах, палачами на расстрельных полигонах. Это вы, советские ветераны, защищали советскую власть и потом были обласканы ею, а теперь страшитесь правды и цепляетесь за свое советское прошлое...

Владимир Долгих, председатель Московского совета ветеранов, который, собственно, и подал это прошение, на войне был политруком, а потом сделал партийную карьеру, став в конце концов секретарем ЦК КПСС... Ветеран тоталитаризма! Это во времена его власти сажали за антисоветскую деятельность... Вы, Владимир Иванович, из той банды коммунистических преступников, которые пытались погубить нашу страну, а потом сумели счастливо избежать суда и наказания...

Да что там советские ветераны – сталинские соколы да брежневские лизоблюды, душителю свободы из партии Владимира Долгих...

Да, тех, кто боролся с нацизмом, стоит уважать. Но не защитников советской власти...

Презрение потомков – самое малое из того, что заслужили строители и защитники советского режима.

Отметим, что указанная микротема актуализирована в речевом произведении “точечно”. Представляющие ее “субвысказывания” в одних случаях оформлены как сверхфразовые единства, в других – как предложения или номинативные единицы – словосочетания и слова. Именно последние выражают экспрессию, воспринимаемую оппонентами как свойство речевого действия, причиняющего вред чести и достоинству ветеранов (были вертухаями, палачами; из... банды коммунистических преступников; брежневские лизоблюды). Можно сказать, что форма таких “субвысказываний” “соответствует языковым знакам и знаковым последовательностям, передающим разные по объему кванты знания и прагматический заряд” [3, с.31]. Границы этих коммуникативных единиц, не всегда четкие, определяются переходом автора от одной оспариваемой им смысловой позиции политических противников к другой, тесно связанной с предыдущей.

Членение рассматриваемого речевого произведения ветеранами, к которым обращается автор, детерминировано их дискурсным полем, соотносимым с дискурсным полем оппонентов. В выступлении ветерана Виктора Семенова, обратившегося с гражданским иском в суд, коммуникативным единицам статьи

А.Подрабиника, актуализирующим микротемы “личная ответственность за создание тоталитарного режима и политические репрессии”, “современная Россия и наследие советской эпохи”, “дань памяти жертвам тоталитаризма и антикоммунистического сопротивления”, противопоставлены единицы (они выделены полужирным шрифтом), реализующие микротемы: “победители в Великой Отечественной войне”, “ратный и трудовой подвиг ветеранов”, “преемственность поколений”, “антисоветчики – вредители и отщепенцы”:

*Скоро народы России будут отмечать 65-ю годовщину победы в Великой Отечественной войне... Очень жаль, что в канун этой даты находятся люди, стремящиеся очернить, оболгать этот праздник, создать **распри между поколением победителей и молодежью...** В его [В.И. Долгих] лице автор стремился очернить **всех строителей довоенной России, победителей в Великой отечественной войне и восстановителей разрушенного войной хозяйства...** Автор гордится тем, что он старый антисоветчик. То есть один из тех, кто многие годы мешал строительству нормальной жизни в нашей стране всеми доступными средствами от политических провокаций до прямых диверсий. Чем же тут гордиться?*

Таким образом, понятие дискурсного поля оказывается продуктивным для объяснения закономерностей коммуникативной членимости высказывания, речеведческого описания скрещения разнонаправленных смысловых позиций. Экспликация представления о выделенной общественным вниманием и ценностно акцентированной действительности сближает собственно коммуникативный и дискурсный подходы к изучению единиц речевого общения и, на наш взгляд, обладает значительным эвристическим потенциалом.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Он же. Эстетика словесного творчества. М., Искусство, 1979. С. 237-280.
2. Бахтин М.М. Под маской. Маска третья. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. М., Лабиринт, 1993. - 190 с.
3. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Томского государственного педуниверситета, 2008. - 384 с.
4. Васильева В.В. Интерпретация как взаимодействие человека и текста // Текст: стереотипность и творчество: межвуз.сб.научн.тр. / Перм.ун-т.-Пермь, 1998. С.196-214.
5. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. №1. С. 97-124.
6. Мишланов В.А., Голованова А.В., Салимовский В.А. и др. К развитию лингвокриминалистики в Пермском крае. Принципы и методы судебнолингвистической экспертизы текста // Региональный конкурс РГНФ. Аннотационные отчеты. Пермь / Перм. ун-т, 2006. С. 83-87.
7. Проблемы научного творчества в современной психологии. М., 1971.
8. Семенов В. <http://www.interfax.ru/society/txt.asp?id=102921> (Проверено 17.11.2009.)
9. Фуко М. Археология знания. Киев, “Ника-центр”, 1996. - 208 с.
10. Якубинский Л. П. О диалогической речи //Он же. Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17-58.

1 Статья издается при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 08-04-82406 а/У